

Очарованный якут / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 24 января, 2025

Очарованный якут / рассказ ОЧАРОВАННЫЙ ЯКУТ

– Он придет, а ты – спишь или, еще хуже, пьяный валяешься, никакой, а Он придет, придет именно к тебе, ну не знаю, зачем, но Он ко всем всегда обязательно приходит. Понимаешь?

Мы стояли перед рынком, в гуще движущейся толпы, и Санек мне такие вещи говорит. Поразительно! Александр – мой бывший одноклассник по училищу, я его частенько в городе вижу, даже пил с ним как-то, у него дома. Пил он тогда, еще три месяца назад, знатно, на полную катушку, помню, на карачках собирал с пола разбросанную мелочь, а сам здоровый такой бугай, два метра ростом, три раза шире меня в плечах, русский богатырь с ноздревскими повадками. В охране работает, фирму какую-то секретную охраняет. Разведен, сын и дочь есть. Самое положительное, что я о нем, Саньке, думал, так это то, что он в училище в шахматы хорошо играл. Проигрывать не любит. Спорщик ужасный – слова поперек не вставишь. Темные уголовные делишки за ним имеются. Что еще? Мэру никогда не знает, все время лезет на рожон и почему-то гогочет, хотя часто – ничего смешного. И – вдруг – встречаю его 12 марта у рынка. И первый его вопрос: «В Бога веришь?». Я говорю: «Как же в Него не верить? Не бывает атеистов в окопах под огнем!». Ну, мы и разговорились на полтора часа.

– А зачем Ему приходиться, – сказал я, – если Он постоянно в сердце человеческом?

И стучу ему кулаком в грудь. Он большой передо мной стоит, в черном пальто, грудь колесом, из-под кепки редкие белые волосинки выглядывают. Толстая бычья шея. Нос широкий, внушительный, глаза хитрые, темно-бирюзовые, от нижней губы справа шрамик вниз, сантиметра на два. И все лицо красное, как из бани. В левой руке пухленький томик Библии.

– А... А-а-а! У! – кричит. – Это другое! Там – частичка, маленькая частичка, а Он приходит проведать, вопрос какой-

нибудь задать, чтобы выяснить... В курсе, что йоги не спят никогда? То есть, будто спят, а на самом деле, глубоко внутри, бодрствуют! Ждут! А вот Он придет, а йог спит! Какой же он йог?!

– Слушай, Сань, а йоги верят в Бога?

– Конечно!!! Ты не знал? Ты не путай их с буддистами, у буддистов – ни Бога, ни души! Понял?

– Понял. Чего же не понять-то?

Попытался я закурить, так он выхватил сигарету и выбросил. Ее моментально растоптали. Он мне пальцем погрозил.

– Ты куришь, значит, Бога в себе не уважаешь!

Улыбается, зубами сверкает. Легкий гоготок, если можно так выразиться, вырывается у него из голосовых связок. Я не обижаюсь, могу и потерпеть. И, самое главное, ведь он прав! Курение вредит Вашему здоровью.

– Ладно, Сашок, я понял так, что ты в Бога уверовал. В таком случае, давай выкладывай – когда, где и при каких обстоятельствах.

Он еще громче гогочет, женщину какую-то с сумками напугал, поклонился ей, убегающей, развеселился, хлопает меня по плечу.

– Роман, это неважно! Просто когда Он пришел ко мне – я не спал, не был пьян, не смотрел ящик. Я не был зол на кого-то и так далее. Понимаешь? Я был на стрёме! И это случилось!

Ослепительная улыбка, открытый смеющийся взгляд. «Он другой, – думаю я про себя, – он точно другой! Он изменился! А может, он с ума сошел? Не курит, не пьет! Библия в руке! Красота! Вот как бывает с людьми!»

– Ах ты, жук! Мне же интересно! Как Он хоть выглядел, во что был одет? Такой же крупный, как ты, или – как Его изображают – в виде... в лице Христа?...

– Да говорю тебе: неважно! Ты только будь начеку, не отключайся, держи своё сознание в ежовых рукавицах, не расслабляйся. А когда Он явится к тебе, в каком бы то ни было виде, мальчиком с крылышками или бомжом вонючим... Ты Его узнаешь! Но, повторю еще и еще раз, будь на стрёме!

Так мы стояли у рынка и трепались, не совру, полтора часа, хотя у меня было дел по горло и у него тоже. Но мы смотрели

друг другу в глаза и чувствовали, что, во-первых, я должен был его выслушать очень внимательно, а, во-вторых, он должен был мне это сказать. И говорили мы не только о Боге, но и о других, каких-то, казалось, не менее значимых вещах. Про одноклассников, кто, где и как живет, про баб, конечно же, про деньги, про цены... Я и не вспомнил бы этот разговор, особенно про то, что надо быть на стрёме, когда Он придет. Мы разошлись – он в одну сторону, я в другую. До следующей такой же случайной встречи... Я и не вспомнил, если бы через 5 дней Он не подошел ко мне. А Он подошел.

17 марта, в пятницу, Люба оставила мне 200 рублей заплатить за телефон. Около десяти утра было. Помню, небо чистое, солнце многообещающее и легкий западный. Прогулялся пешочком по грязному снегу от Калинки до Центра. Зашел в Переговорный, отстоял очередь, заплатил по квитанции, еще и сдачу получил. Живем, думаю. Ступаю к выходу, пересчитываю деньги. И тут Он ко мне подошел.

Я, естественно, не узнал Его сразу. Темная, словно загорелая кожа, узкие щели глаз, цвет радужки не виден, выдаются скулы – опух, наверное, пить-то самогонку. Переносица слегка искривлена и примята. Губы тонкие, темно-малиновые, длинные. Все казалось мне потом, что он улыбается. Нарочно. На голове – вязаная шапочка, не местная, неуловимо серо-бежевая, холмиком, такие не носят здесь и так – на ухо, как пилотки носили солдаты-Тёркины в 45-ом. В зеленой гастарбайтовской курточке, брюки черные (кстати, не мятые и ни пятнышка), обувь – прощай молодость – войлочные с молнией поверху, я такие ботинки последний раз видел в восьмидесятых, уже у бомжей. А он и был – бомж! С узелком.

И вот он даже не подошел ко мне, а подскочил, испугавшись, что я могу уйти, тогда как он все-таки меня выбрал. И не ошибся, вероятно.

– ... (первые слова, которые я не запомнил)...не найдется несколько рублей... позвонить?

Я оценил его краем глаза, создалось первое впечатление – моего роста, не злой, без денег, просит.

– Денег, что ли? – говорю я громко и весело. – Сейчас выйдем,

сигарет куплю, а все что останется – твоё!

Вижу, точнее, почувствовал я, что он обрадовался и подчинился. Пошел за мной. Выходим из Переговорного. Рядом, левее, магазин «Овен», продуктовый. Заходим, он за мной. Покупаю «Яву» красную в мягкой пачке. Сгребаю оставшиеся рубли и копейки, ссыпаю ему в выставленную ладонь.

– ... – поблагодарил он.

Пальцы не белоручки, рабочие, мозолистые, сильные. Ногти коротко подстрижены, чистые. Выходим из магазина.

А солнце светит, тепло, хорошо. Закурил. И он закурил.

– Вот какое дело... А не подскажешь, где тут у вас в городе можно подработать?

И вроде слова обычные он произнес, по-русски, без акцента, но так мягко, так спокойно, так в каждом слове затаились и надежда, и тепло какое-то, и легкая осторожная еле-еле приметная боль. Я прямо взглянул на него. Печально улыбается. Но это не он, а губы его. Щурится. Чукча, китаец-акселерат. Небритый дней за пять. Голова яйцевидная: подбородок широкий, скулы еще шире расставлены, а макушка сужается. Волосы черные с подкупающей проседью. Сколько ему лет? 40-45? Смешной. Топчется на месте, узелок (сумка-пакет, и в нем одежда свернута) в правой руке. Курит не явно, а скрытно. Я вижу даже, что он хочет присесть. На корточках. Сидел, что ли?

– А ты не местный? – поддерживаю разговор.

– Из Якутии я.

– Она как тебя занесло! Давно в наших краях?

– С первого марта... В Лукьянцево жил, потом – в Махре...

– Да-а-а? – Я честно заинтересовался. – Такú зачем тебе здесь работа?

Тут он в первый раз не смог мне вразумительно ответить, замялся. Мы сидели на корточках у магазина, курили. Слева «жигуленок» в яму провалился, никак вылезти не мог. Водила ругался, смотрел по сторонам, но подмогу не решался позвать. Я встал, за мной, в нерешительности, якут. Толкнули. Ни с места. Еще толкнули. Сдвинуться может, но сил маловато. Вышли из Переговорного на крыльцо хачики, увидели. Присоединились, дружно выкинули «жигуленок» на дорогу. Одобрение, удовольствие

оттого, что сделали все маленькое доброе дело. Шумно, по-цыгански, ушли.

Мы почистили руки в снегу, присели снова.

– Работу, конечно, можно найти, – говорю я. – Есть Центр занятости, и туда разные деловые заглядывают, рабочих хотят на день, на два, на неделю. Платят сразу же. Строительные или ремонтные работы ведутся повсюду...

– Да, хорошо бы! – оживился якут. – Я по дереву умею.

– ...Плотники, штукатуры, каменщики. Есть кирпичный завод... Грузчики всегда частникам требуются. А тебе деньги, наверное, в этот же день нужны? Сегодня?

– Сегодня, желательно...

– Тут сложнее!

И стал я ему объяснять, как пройти до центра занятости, до кирпичного завода и еще куда-то. Вижу недоумение его, города он не знает, где такое расположено, и сколько идти. Я в эти минуты вдруг стал к нему равнодушен и уже собирался отвалить, и забыть об этом якуте, как о каком-то недоразумении – что, собственно, случилось? Разве я ему чем-то обязан? Денег дал, так пусть и будет доволен! А он это моё настроение уловил, как я понял, спрашивает:

– Тебя как зовут? – Со страхом, что я сейчас уйду и его брошу на произвол судьбы.

– Роман. А тебя?

Что-то такое промышчал, я не расслышал.

– Как?

Он повторил, я опять не понял, но переспрашивать не стал. Мы вернулись к теме поиска работы. Выяснилось, что ему после одиннадцати надо зайти в одну контору, где армяне ремонт делают, и поговорить с прорабом. Но уверенность, что возьмут, мизерная.

– А далеко кирзавод, Рома? – спросил якут.

– Что?

– Кир...пичный завод?

Я показал рукой. Он оживился. Даже, я бы сказал, засветился.

– Давай, Рома, пожалуйста, пойдем вместе. Если не получится с армянами, покажешь мне кирзавод?

И мы двинулись.

То, что я согласился его проводить, тоже было своего рода показателем точности его выбора. Через полчаса с армянами не получилось – то ли прораб не явился, то ли бригада посовещалась и решила не брать якута, – и вот мы стояли у железнодорожного вокзала. Я рукой показывал, где находится кирзавод (по платформе до конца, через рельсы направо до бетонной стены, найти проход, прямо и налево...), он с настойчивой печалью, умоляя, просил не бросать его. И снова я согласился. Поперся с ним по платформе до конца, по рельсам и направо через рельсы ... Он меня начинал раздражать, я мысленно ругал себя за неуместное добродушие, когда обязательно потом кто-то тебе на шею садится и слезать не намеревается.

– Послушай... – хотел сказать «чукча», но передумал, не стал его оскорблять. – Послушай... гхм... Как тебя вообще угораздило махнуть из Якутии в... Россию? Чего тебя понесло-то?

– Мама умерла у меня, Рома. Маму я не долюбил, не доцеловал. Мама умерла, и земля из-под ног ушла. Квартиру продал и поехал к отцу в Питер. Мама болела, пятнадцать лет не вставала...

Не сказал бы он этих слов, возможно, плюнул бы я на него и ушел. А вот сказал он такое, черт его знает, может, врет, а может, правду говорит. И здесь он меня поймал. И стал рассказывать, как он за ней ухаживал, кормил её, поил, мыл, бельё стирал, и так подробно, какие-то такие мелочи неприятные, о пролежнях упомянул, о других болезнях. О родственниках своих, о младшем брате погибшем, об отце, умершем в Питере.

Иногда гладко, логично описывал, а иной раз – сбивчиво, неуверенно, замолкая вдруг в самых интересных подробностях. Но я, впрочем, слушал остальное вполуха. Главное сказано.

– Ладно, – говорю, – сходим на кирпичный завод, а там посмотрим.

– Вижу – обрадовался, облегченно вздохнул.

Быстро ходить он не умеет совершенно. Получается у него вразвалочку, как матросы гуляют, сойдя с палубы. Лужи обходит за километр, что неудивительно в войлочных-то. А когда предлагает покурить: «Давай, Рома, покурим?», как бы спрашивая

и умоляя одновременно, то тут уж вообще присядет и курит молча, думает думушку свою горькую.

Короче, добрались-таки до кирпичного. А завод держат греки – невысокие, черненькие, на цыган и на азербайджанцев похожие. Уж как они здесь оказались – не знаю, но конвейер не останавливается, глина формуется, форма сушится, садка сажается, кирпич обжигается, бизнес процветает лет пятнадцать, не меньше. Одного грека, по-моему, даже зовут классически – Одиссей. И этот Одиссей, а может другой грек (не видел, в кабинет не заходил, но слышал из коридора), спросил первым делом, что тот умеет делать. «По дереву могу, кирпич знаю, любую работу...» – отвечает. Пауза. Потом Одиссей громко моему якуту, что, дескать, проверки милицейские, часто – неожиданные. Что, мол, штрафы большие за нелегалов, гастарбайтеров, не зарегистрированных и т.д. Приходи в понедельник, начальник самый главный будет... ну и как там у вас в Монголии? Якут: «Я из Якутии». Тишина. Шелест бумаг, скольжение по линолеуму, кряхтение. «А живешь где?» – спрашивает Одиссей. «Вот пока в гостинице переночевал. Деньги закончились...» – «Да-а-а... Кому сейчас легко! Рад бы помочь, да директора нет, директор в понедельник будет, приходи в понедельник, подумаем» – «Подскажите, пожалуйста, где еще рабочие требуются?» – «А рядом с нами комбинат деревообрабатывающий. Ты ж его мимо прошел! Попробуй к ним. Вдруг возьмут?» – «До свидания! Всего вам доброго!» – «Если что – до понедельника...»

Вышли мы с территории кирпичного, впереди через десять метров – ворота конторы «по дереву». Присели у дороги, закурили. Рассказал еще о родственниках в Нижнем Новгороде. О том, как жил последние два года, после смерти матери. С деньгами за квартиру (600 тыс. руб.) объехал пол-России, останавливался в гостиницах и у родных, и у друзей. Нигде так и не нашел своего места. В Воронеже другу в долг отдал 100 тыс. (на учебу сыну), с тех пор звонит в Воронеж, спрашивает у «друга» долг. Тот ему и высылает телеграфом. «Последний раз, Рома, пятнадцатого марта выслал пятьсот рублей. Разве это деньги, Рома? Куда я с ними?». В монастырях наших – в Лукьянцево и Махре – жил почти

две недели, не прижился. В одном монахи ему не понравились, в другом – настоятель... Понесло его в Орехово-Зуево за каким-то лихом, а там от ментов настрадался, спутали его, видите ли, с кочующим сбродом. Вернулся в Александров, за двести рублей в гостинице привокзальной переночевал, и то потому, что заведующая – из Магадана, вроде как землячка. Тут деньги и закончились. Две ночи на нашем вокзале спал. «Это ужасно, Рома!».

– Ну и как люди живут в России? – спрашиваю почти риторически.

– Плохо люди живут, Рома. Очень плохо. Бедно. Злые. Копейки считают. Некрасиво живут. Дома плохие, разваливаются. У нас в Якутии все – плотники, дома строят хорошие, добротные, а в Новгороде дома ... Страшно смотреть...

Докурили. Встали.

– Подожди меня, Рома. Не уходи... – горестно, испуганно.

– Да не уйду, не уйду! – кричу я весело, смеюсь.

Ничего, конечно, утешительного и «на деревяшках». Идет спустя несколько минут понурый, голову повесил.

– Пойдем, Рома?

Что же делать? Повернули ни с чем опять на вокзал.

Платформу прошли и остановились у поручня. Стоим. Курим. Я смотрю в сторону своего дома, он смотрит в сторону кирпичного завода. Грустный, потерянный. Мне его немного жалко. Электричка московская подошла, толпа затопала. Люди идут, смотрят на меня, на него, думают, наверное, что я – с ним. А он мне – никто.

– Ну что, – говорю, – остается одно. Садись в электричку, езжай до Сергиева-Посада или до Пушкино, или до Мытищ. Там быстрее работу найдешь, может, своих земляков встретишь.

– Да, Рома, – еще горестнее, – надо ехать. А? Поеду? Думаешь, в Пушкино работу найду?

– Конечно, побегать придется. Куда же без этого!

Представил, как он там бегаёт, работу ищет. Одинокий якут в Подмосковье. Смотрю на него, жалею.

Толпа рассыпалась за вокзалом, растворилась. Электричка постояла пустая, постояла да и закрыла двери. Пискнула и укатила. Видать, в ближайшие полчаса отправлений не

намечается. Он это тоже понял, спрашивает меня:

– А ты далеко живешь?

Он спросил это так, на авось, будь что будет.

– В Центре. Пять минут ходьбы по главной улице.

Хотел сказать «с оркестром», не сказалось.

– Чаем не угостишь?..

Это, естественно, была его последняя надежда. Он смотрел на меня так жалостливо, чуть ли не скулил... Но он был человек, господи, что это я! Он был человек, и он стоял передо мною со своей проблемой, со своей судьбой, и просил помощи... В этот момент я, собственно, и принял решение помочь ему. Я еще не знал, как помогу, чем помогу, но уже думал о якуте, как о своем товарище, которому необходимо элементарное сочувствие, нормальная человеческая доброта.

Надо сказать, забегая вперед, что я помог ему. Друзья мои помогли, деньги собрали. Я купил билет и отправил его в Тюмень. Не все, правда, откликнулись на его беду, не все мне поверили (и ему, следовательно), но вот как раз это обстоятельство больше всего и поразило. С его появлением и много после того, как он уехал, не покидало меня острое чувство горечи за тех, кто отнесся к якуту, другу моему, с брезгливостью и даже отвращением. Я же смотрел на якута и через него, словно сквозь особую духовную призму, выявлял истинную сущность любого человека, кто говорил хоть слово, хоть мимикой и жестом выдавал своё отношение к нему. И удивительное дело, те, кто, как казалось, доверял мне, ценил и любил меня, те, кто был близок мне, восприняли его в штыки, с раздражением. Или кидались на него, или выгоняли его, или крутили у виска пальцем. «Кого ты привел, Рома? Это – бомж! Пьянь!» И – наоборот. Кого я интуитивно держал на расстоянии от себя, не слишком уж им доверял – запросто предлагали помощь, деньги (пусть – небольшие, зато бросалось в глаза, что от чистого сердца), не отворачивались, давали какие-то разумные, добрые советы. Вообще, не только ч е л о в е к о в, но и весь город, весь мир я наблюдал в совершенно новом для себя состоянии.

Крылья у меня выросли за спиной, что ли. Летал с ним по городу

как ненормальный четыре дня подряд. Он еле за мной поспевал. И в центр занятости дважды ходили (так он и не открылся, зараза, – в пятницу после трех был заперт, в субботу не работал, а в воскресенье – тем более), и «на деревяшки» другие, и в конторы какие-то подозрительные. В субботу днем вдруг до меня дошло – рынок! Что же я сразу-то не сообразил? Двинули на открытый рынок, благо, самые рабочие дни. Говорю ему: «Подойди к продавщице, торгующей овощами-фруктами, спроси, не нужны ли грузчики». Сам встал в стороне, смотрю. Подошел мой якут к прилавку, выждал, когда на него обратят внимание, спросил. Понеслось. Та тетка крикнула соседку, соседка крикнула еще кого-то. Та – хозяйина. Тот: нужен! «Приходи к трем! Работа будет». Так он и добыл потом кровные в субботу восемьдесят рублей, а в воскресенье – сто пятьдесят. Пачку «Явы» мне купил с первой зарплаты! Сам, без моей просьбы. А я увидел, наконец, что человек-то нормальный, понимающий, не жадный, и заработать себе на хлеб способный.

– Мама у тебя устала, Рома.

Это о н мне сообщает, посторонний человек, да еще не русский – якут. По паспорту – Радий Николаевич Кононов. Имя при крещении – Серафим. Да я и без него знаю, что мало у мамы радостей в жизни, да еще последние несколько лет болеет. Как тут не болеть панкреатитом и холециститом, когда жареную картошку всю жизнь ест! А мы – я и брат младший – тоже хороши: давно бы внуков родили ей, так нет, ни я, ни он – не женаты, без собственных семей. Устала! А мы не устали с ней? Она ведь и сама – маленький диктатор. Чуть что не так – шуму поднимет – будь здоров! А ведь мы – плод её воспитания. Впрочем, какое воспитание! Пока она первую свою в жизни квартиру ждала, я в детдоме жил. Когда в стране бардак перестроечный начался, братишку в интернат устроила. Так и воспитывала... (Нехорошо это я о маме говорю, господи!)

Мама маленькая, худенькая. Татарочка. На Гюльчатой немножко похожа, только личико круглее, носик пуговкой, глаза хитрые, смеяться любят. А характером – на Тосю из «Девчат». Мама в молодости хохотушкой была. Я в образ на фотокарточке, где ей 18 лет, влюблен без памяти. Как же ей достались-то по жизни

эти чудики – один русский, папанька мой, бросил её, когда меня под сердцем носила, другой – хохол толстенький, моложе лет на двадцать, пьяница обыкновенная – хорошо, развелась.

– Мама у тебя устала, Рома.

Это он мне сообщает, Серафим Николаевич, якут по национальности. Сидит на моей тахте, улыбается, а дверь из комнаты в коридор открыта, и в коридоре мама стоит и кричит (временное упомешательство, «американские горки»):

– Уходите! Уходите! Устроили притон!

Я вскочил с кресла, дверь своей комнаты запер. А он, по-моему, даже не понял, что это ему она кричала, что это его она выгоняла из квартиры. Я же говорил: «диктатор». Человек она нервный, частенько неуравновешенный, да еще старость подбирается, женская, одинокая. Я знаю, что такое у нее проходит и довольно быстро, без следа, через неделю она и не вспомнит об этом якуте, в глазах ее – проходимце-бомже, которого я «подобрал с помойки». Абсолютно уверен – такое мнение у нее создалось о Серафиме.

(«Подобрал с помойки». Потом сообразил, почему она так сказала. Нюх у нее хороший, почуяла запах неприятный. От ботинок «прощай молодость» исходил. Ацетоном так и завоняло по всей квартире. Я ему дал и обувь чистую, непромокаемую, и носки сухие. А свои носки он, ворочая нос, снял, в целлофан завернул и выбросил в мусорное ведро.)

– Уходите! Вон! – на «вы» ему.

А он сидит такой и ухом не ведет. «Мама у тебя устала, Рома». Я бы, может, и выгнал его тут же, послушавшись маму, но я знаю ее, она и на друзей моих наезжает. Чуть что-то, не входящее в ее круг понимания, так она всем и без разбору: «Вон! Вон отсюда!». Короче, я с трудом ее уговорил оставить Радия на одну только ночь, а утром он уедет, и все будет хорошо. Куда он уедет? На что он уедет? Пятница, только познакомился, к себе привел, чаем напоил... Успокоил. А самому горько-горько. Заставила меня почувствовать унижение, несамостоятельность, ничтожность. Не имею права я принимать решения. И тут же мысль – это пройдет у нее, пройдет. И я не прав, что сержусь на нее. Горько-прегорько.

Я знаю, она очень одинока. И еще страшнее представилось мне мамино одиночество в понедельник, 20 марта, когда она увидела Радия в моей комнате и снова закричала, чтобы я поскорее выпроводил своего друга за порог.

– Богом клянусь, мама, он уедет! Ночевать не будет! Уедет! Вот билет! Радий, покажи, пожалуйста, маме билет на поезд!

Никакого доказательства она, конечно, в полусумасшедшем состоянии, видеть не хотела, замахала руками, отскочила от протянутого Радием билета в Тюмень. И добавила:

– И в Бога я не верю!

В Бога не верила и Люба. Ну, как сказать – «не верила»? Подозреваю, насколько бы люди не были атеистами, они все-таки верят во Что-то Доброе, то, Что Может Защитить или Спасти. Слово «Бог» боятся, стесняются выразить чувство веры, показухой и клоунадой считают обряды, зато праздники, почему-то, принимают на ура. Удивительно! В Пасху, например. Куличи, свечи покупают, красят яйца. «Все так делают!» – вот ответ. Что мамы, что Любы. А постился кто? Никто и не думал! Пасха прошла – как будто блик божий мимо них прошелестел и – всё, забыли. Ну, так ведь, да?

Это уже раздражение во мне.

Припахал я Радия кушетку детскую нести – от Центра до Калинки, к Любе. Он как раз с рынка освободился, поел котлет «охотничьих», пожаренных в масле вместе с луком и кусками бородинского хлеба, попил чаю крепкого три кружки – улыбается, готов к любой работе. Какие вопросы. Братишка на неделе диван приобрел, кушетку выставил в прихожую. Куда её? Мама говорит: «Любе неси!». Можно было, конечно, машину грузовую взять, но это деньги – двести-триста рублей. А идти двадцать минут. Думаю, принесем Любе кушетку, за которую она ни копейки не заплатит, поблагодарит нас, чаем угостит и, возможно, согласится гостя на ночь приютить. Мечтаю.

Доперли кое-как, с длительными перекурами. Втащили в квартиру, поставили. Пацаны за кушетку чуть драку не устроили – кому на ней спать. Пошумели, порычали, убежали во двор. Анфиса Мурлыкеевна с перепугу на стенку забралась и зырит оттуда пятаками бешеными. А мы стоим. Пауза. Люба уже по-своему

оценила гостя, теперь уставилась на меня.

Люба – женщина приятная почти во всех отношениях. Кость широкая, грудь волшебная. Всё – моё! А подкрасится – и точку меж бровей нарисовать – настоящая индианка, красавица. Ласковая ко мне, терпеливая. Умная – кроссворды как семечки щелкает. Судьба к ней тоже не без претензий: родила мальчиков-погодок от одного туркмена-сладкопевца, так он – гляди – на третий год семейной жизни в Москву подался. Не оценили мужика культурного здесь, в глуши александровской, зато в столице в консерваторию угодил, семьей обзавелся, в Германию съездил (сообщают его родственники). Одна беда по свету не ходит: отца похоронила, пять лет назад – маму. И как вот жизнь закручивает! Встретился с ней (та еще история была!), полюбил Любушку, и тепло мне от неё, и уютно.

Я в глазах её читаю: «Ты что за бомжа вонючего сюда привел?!». По телевизору сериал идет, а мы ей мешаем смотреть. Она не готова была тут же, мгновенно, принять божественный дар. Я вежливо откашлялся и спросил: «А ч-чаю не будет?...». Она мотает головой. «А переночевать пустишь Радия Николаевича?». Она меня съесть была готова с потрохами. Мотает головой. Вежливо улыбается. Испепеляющий взгляд. «Всего вам доброго!» – говорит Радий Николаевич. Уходим.

Он был подавлен.

– Зачем про ночлег спросил, Рома? Не спросил бы – не мучились бы ни я, ни она. Тебе самому приятно было?

– Да, – говорю, – узнал глубже её духовные возможности.

Он был уничтожен, но, однако же, высказался:

– Это сущий вампир, Рома. Как ты с ней восемь лет живешь? Неужели нет в городе вашем женщины лучше? Пять минут молчания рядом с ней – и всего меня высосала, опустошила. Уходи от нее, вот мой совет...

Его прямо трясло всего. Её, наверное, тоже: и не отблагодарила, и чаю не налила, и человека обидела. Разве не осознает? А я между ними один – наблюдатель. Оно мне надо было?

– Она испугалась тебя, Радий. Как мама. Люди вообще боятся, но не Бога, а просто страх внутри сидит из-за узости души и

мышления. Достоевский еще, кажется, об этом писал.

Я вдруг вспомнил, что мне Санек 12 марта говорил. Пересказал Радию, добавил, что он, Радий, является сейчас таким... ну, не Богом, но что-то вроде Него, который приходит к людям, а у них – страх перед Высшим, поэтому лучше телевизор включить, сериал какой-нибудь смотреть, чем лицом к лицу с Этим Высшим столкнуться.

– Бога не надо бояться, Рома.

Остановились. Покурили.

Небо зловеще затянуто, давит сверху, вздумало насмерть род человеческий придавить. А горизонт на востоке весь почернел, будто заболел немочью невиданной, неслыханной. По курсу – через овраг – собор Христорождественский, так один купол и виден, за всю природу отдувается, светит блекло, не сдается.

– Слушай, – говорю, – Радий, а ты не пробовал... хм... украсть, например? Или... грабануть кого?

– Что ты, Рома, говоришь?! – Он даже опешил от моих слов.

– А что такого? Так же легче! Вычислишь, допустим, бабушку с кошельком, женщину, кого послабее, проводишь её до укромного места, где она идти будет, а рядом – никого... По голове чем-нибудь – бах! Деньги забираешь и уходишь! И все! Работать не надо...

– Нет-нет-нет! – Как будто я его ударил. – Рома... Это... Нельзя...

– Хотя бы думал об этом? – пытаю и проверяю.

– ... – что-то такое зашептал, молитву, наверное.

Короче, смотрю на него, сканирую – да какой он вор?! Какой он грабитель?! «Мама умерла у меня, Рома, и земля из-под ног ушла...» Пораженный и очарованный жизнью якут.

Ветер поднялся.

Пошли, согнувшись, быстрым шагом.

Ветер усилился, захлестал по лицу и рукам. У-ух! Март тяжелый в этом году, недовольный чем-то. Но это он зря, весна своё возьмет. Размышляю. Радий пыхтит за правым плечом. Только подумал я о погоде – снег повалил, будь он неладен.

Сидим в комнате. Я смотрю на него, он – на меня. За окном – пурга мартовская, снег с дождем хлещет, по карнизу барабанит. Мама ушла к тете Шуре Максимовой, подружке. Вечером придет,

увидит Радия – скандала не избежать. Ругаться ой как не хочется.

– Спроси, Рома, о чем хочешь.

Я, конечно, был очарован им. Он сам был – очарованный, поддавшийся толчку извне, полетевший незнамо куда и незнамо зачем. «Спроси, Рома, о чем хочешь». Так не говорят здесь, в Александрове, под наглой деньжищной Москвой, за сто первым километром. Здесь разговариваешь с человеком и с первых секунд сердцем чувствуешь, что собеседнику твоему наплевать на тебя, а если не наплевать, то, во всяком случае, он в любой момент готов победить тебя, быть выше тебя, применяя нецензурную брань, повышая голос, бессознательно (а порою и сознательно) унижая тебя. А Радий за четыре дня ни одного матерного слова не произнес! Голоса не повысил!

Он, естественно, был не у себя дома, возможно, очень боялся навредить кому бы то ни было. Невыгодно. С практической точки зрения. С другой стороны, когда я видеокамеру на него наставил (японскую старенькую, пленка 16 мм), он поначалу так резко головой крутанул, словно я ему пощечину залепил. Затем с каждой минутой записи, с каждым вопросом моим он все хмурился и хмурился, отворачивался и отворачивался. Сердился, в общем.

– Расскажи о себе, Радий. О жизни, что-нибудь...

– Вот так я не могу. Под давлением. Философствовать перед камерой... Рома, не надо...

– Не приходилось ни разу сниматься?

– Нет. Никогда не рисовался...

– А фотографироваться?

– Мало. Мама фотографировала в детстве...

– Во-от, видишь... Но пользоваться фотоаппаратом умеешь?

– Это компьютер... – Показывает головой на монитор, стоящий на столе. – Дилетант я, Рома. Как даун.

– Как кто?

– Даун. Техника эта... Не умею...

Весь извертелся, искрутился. Видит – я не унимаюсь. Собрался. Попытался успокоиться. Перестал вертеться, смотрит точно в объектив.

– Слушай. Про хобби хотел спросить тебя. Множество людей чем-

нибудь да увлекаются, имеют к чему-то душевную, так сказать, потребность. Ну, марки собирают... У тебя какая потребность? По жизни...

– У меня есть один дар. Умение любить. Это факт.

Кивает в знак утверждения головой.

– ... Я не ослышался?

– Умение любить, я тебе сказал.

Такой нотки я от него еще не слышал. «Я тебе сказал».

– Это... такое сказать... Такое даже священник о себе не скажет...

– Да... Это не марки собирать...

– И как это умение любить проявляется?

(Глупый вопрос задал, сам знаю)

– Ну, Рома... Маму любить, Бога любить.

Крестится.

– И всех остальных?

(Опять не то спросил)

– Да, Рома... Один, вот так я, сирота казанская...

– Хм... Хорошо! Скажи мне, пожалуйста, Радий! В чем смысл жизни?

(Уж тут я совсем)

Хмурится, отворачивается.

– Спроси что полегче... Умение любить... Это дар, в первую очередь...

А тут Вася с работы пришел. Пьянющий. Камеру пришлось выключить.

Вася, Василий Сергеевич. Высокий, худой. Полтинник, в прошлом году стукнуло. Хохол. Букву «г» смягчает в «х» как и все хохлы, где бы ни обитали, понятно – на генетическом уровне. Нос красивый, с изящной, еле заметной горбинкой. Глаза аквамапиновые, грустные. Грусть и обаяние усиливаются за счет бровей «брежневских», густых. Сутулится, кашляет (бронхит курильщика). Художник, поэт, друг. Запивашка классический. Каждый день не обходится без бутылки портвейна. А если желудок совсем прихватит – пиво со сметаной. Типа, помогает, расслабляет кишечник. Хорошо еще закусывает (когда есть) чесноком и салом. Живет у меня, в комнате моей, пятый месяц. С женой поругался, с Людмилой Николаевной. Крепко поругался. Практически ушел из семьи, правда, Дашу, дочку-школьницу,

навещает. Покупает ей с зарплаты гостинцы.

На картинах не проживешь, на стихах – тем более. Василий работает в Арсаках, «на деревяшках». Часто и ночует там – дежурит. Денежку зарабатывает. Часть отдает маме моей (не знаю сколько, без меня договаривались), часть – Даше что-то покупает, остальное – на себя. Мне перепадает, конечно же. Кстати, Василий ноутбук месяц назад приобрел, слабенький, но MP3 слушать можно, видео в нескольких форматах, в Word´е писать.

И вот он с дежурства пришел – никакой. Бутылку портвейна на стол поставил и завалился спать. Это он зря так много пьет. Мама однажды не выдержит, выгонит его, не посмотрит, что мой друг.

Радий не испугался, вежливо поздоровался. Вася в ответ: «Бр-мр-вр!». Уехал.

Что там Санек возвещал? «Он придет к тебе, а ты – никакой, в стельку пьяный валяешься, а Он, может, именно к тебе пришел...»

– Так что же мне делать-то с тобой, Радий? – спрашиваю, вздыхая. – Что-то ведь надо с тобой делать, а?

Радий тоже вздыхает.

– Уехать мне надо отсюда. Не могу больше...

– Хорошо. Как? – Вопрос «как?» выкрикнул ему прямо в лицо, с раздражением.

Молчит. То ли задумался, то ли собрался плакать.

Вася: «Вр-мр-бр!»

– Очевидно, – продолжаю я, – что нужно купить билет просто-напросто. Вопрос – куда? Куда тебе надо, Радий? В Орехово-Зуево?

– Нет! Что ты, Рома! – испуганно.

– В другой монастырь... какой-нибудь? Сергиев-Посад?

– Н-нет... – морщится.

– В Москву? В Новгород? В Воронеж? В Питер?

(Честное слово, как с маленьким вожусь)

– В Воронеж... Жить там, у него...

– У друга...

– Да какой он мне друг! Ой дурак я! Сам виноват!... – Радий вроде как и восклицает, но подавленно, измученно.

– О! – саркастически. – Дошло наконец-то.

– Видишь, Рома, не знаю.

– Домой хочешь вернуться?

– Да, конечно же, Рома! – Обрадовался, как будто если бы я не спросил, то сам бы не догадался.

– Якутия большая? Какой там город? Якутск? А еще?

– Нерюнгри, Рома.

– Как-как?

– Нерюнгри, – еще тише произнес.

– А ты сам откуда?

– Из города Мирного. От Нерюнгри до Мирного две тысячи километров.

– Хорошо. До Нью... До Не...рюн...гри через какой город удобнее добираться? Ханты-Мансийск? Новосибирск? Какие в ту сторону по железке города есть?..

– Что ты, Рома... Тюмень.

Вася: «Бррр-мррр-вррр!»

– Отлично! – кричу. – Тюмень! Там можешь на работу устроиться? Жить? Заработать и вернуть долг?

– Обязательно, Рома, конечно. За день в Тюмени можно заработать тысячу рублей.

– За день!!! Так. Я ловлю тебя на слове! Всё. Едешь в Тюмень. Договорились?

– Да, Рома, конечно же.

– Значит, осталось собрать тебе на билет. Сколько до Тюмени билет, самый дешевый?

– Полторы тысячи, наверно...

– Что значит – «наверно»? Ты наверняка должен знать! «Наверно»! Ничего себе!

Вася: «Увхрмр!» И присел на тахте. Откашлялся, вытер мокроту полотенцем. Смотрит на меня, на Радия. На непечатую бутылку портвейна. Соображает.

Тут вышла не очень приятная сцена.

Василий, когда повалился на постель, на самом деле не «уехал», как я выразился, не отключился, а слышал наш разговор. Не подробно, а лишь интонации. Возможно, я показался ему слегка агрессивным. Не получилось уснуть. Сел. Оглядел нас. Пошел к

окну курить с вопросом по пути: «А в чем дело?». Я ему начал рассказывать. Где встретил Радия, что о нем узнал. Добавил, что я все-таки принял решение помочь ему, и если у Василия есть, ну, сто-двести рэ (под мою ответственность), не мог бы он поделиться.

– А Радий заработает в Тюмени и вышлет долг, – заключаю я. – Да, Радий?

– Конечно же, Рома.

Вася докурил. Промычал что-то, подошел к столу, открыл ножом бутылку портвейна, глотнул из горла. Предложил сначала мне, потом якуту. Поддержали по глотку. Дрянь!

– А в чем дело? – спросил Василий Сергеевич так, будто до него не дошло всё то, о чем я только что распинался.

Начал я по второму кругу.

– А-а-а... – (Как до жирафа). – А почему я должен ему верить? А? Рома, я десять лет на Севере работал, я таких как... һхррмвррр... Ну и кати в свою Якутию! Подумаешь, денег у него нет! Если каждому давать... Им верить никому нельзя! – Он больше ко мне обращался, чем к якуту. – Я их там сотнями насмотрелся...

– Если не вернет, то я верну... – жалобно проблеялось.

– ...Они там все такие, сказки рассказывают, неприкаянные. И сюда добрались! Дóжили! Мало нам своих халявщиков? – (Это верно). – Не-е-т! Так не пойдет! Пусть идет куда хочет! Мы ему лохи, что ли? А? Это чистое кидалово! Что за жизнь! – Здесь уже мысль понесла его во все тяжкие (бутылку он допил тремя глотками и снова закурил). – На работе... брррврррмррр... Нет... Николавна – кидает, все кидают! Уехала в деревню, а ключи соседям оставила. Сидел бы я сейчас дома, писал бы спокойно роман! Твою мать! Роман слетел! һрёбанный компьютер!.. Как же я копию-то не сделал! Ах, ё... – (Эту историю я слышал год назад).

– Роман слетел! Сколько я над ним работал, твою мать, под японцев косил, какое вдохновение было!... А сборник – это я виноват... Рома, я виноват, что сборник не выпустили... – (Сборник собирались выпустить пять лет назад). – И Николавна! Это она во всем виновата!.. Вот Дашка школу закончит – всё! Ко мне – никаких претензий!.. А то, что ж она хотела? Рома, не верь бабам, послушай мудроho совета!...

И так далее. Кашляет, «хэкает».

Наконец он вернулся из мрачного путешествия по времени в комнату, обнаружил себя стоящим у окна. Меня увидел. Радия, сидящего в кресле к нему спиной.

– Им верить нельзя! Я знаю! Я десять лет на Севере тысячи и тысячи за баранкой намотал, насмотрелся на них, на чукчей этих! Когда они кому что возвращали? Да никогда! Это типа цыган, только... искуснее... Понимаешь? Понимаешь?

– Я у тебя в долг беру, а не он... – снова проблеялось.

Радий встал и направился из комнаты. Я не успел отчетливо рассмотреть его лицо, позеленело оно, кажется, но зато как он эффектно отразил Василино нападение:

– Я у вас ничего не прошу! Поэтому не надо хохмить! Не по-божески это...

Нет-нет, голоса он не повысил. Но выдавил из себя отчетливо, ясно. Как тогда про «умение любить». «Я тебе сказал».

И вышел. Я – следом. Оборачиваюсь. Василий Сергеевич стоит посреди комнаты, парализованный, ссутуленный, лось такой, собирающий взгляд в одну точку. Вот так он Васю, интеллигентно, с достоинством, за «чукчей» вероятно.

– Нет... – Василий Сергеевич приходит в себя. – А что я такого сказал?... Я разве не прав?

Сходил с якутом на вокзал. Выяснил, что билет до Тюмени, самый дешевый, стоит тысячу пятьдесят рублей. Плюс на дорогу рублей двести-триста. Итого: максимум полторы тысячи всего-то. Пока считали, вдруг всплыло в памяти: «Николавна уехала». Точно! Что же я сразу-то не сообразил? Пошли на хату к Николаевне. Приходим, к соседям звоним. Так и так, мол, Людмила Николаевна уехала? С Дашей? В Архангельскую область? А как с ней по телефону связаться? Соседи меня знают, трубку дают. Поговорил с Николаевной, а она и разрешила два дня за её хозяйством посмотреть: кот да попугай из живности, ну и вообще. Да, Windows XP заодно надо на её комп установить. Мусор вынести, порядок и чистоту соблюдать. Живем! Вот доброй души человек! Пить меньше надо, Василий Сергеевич, тогда и с людьми можно договориться. Так!

Короче, с ночевкой дело решили. Теперь – деньги. Разумеется,

проблема моя состояла в том, что я вот уже несколько месяцев не работал, сам жил «халявщиком», Христа ради. Но Господь милостив, зла я никому не делал, помогал, как мог, хорошим людям, сообразно со своим умением. Без денег. И вот еще и якута на себя взвалил. Да ведь так не бывает, чтобы совсем-совсем черная полоса легла. Кружусь мыслью по городу, влетаю в квартиры, в дома, в магазины, ищу друзей, знакомых и отдаленных знакомых, сканирую их, если можно так выразиться, сердцем своим: помогут – не помогут. Есть выходы.

Вспомнил Алексея Антипова! Поэта, музыканта, учителя английского языка. Как же его не вспомнить – сам через день ко мне заходит: то одно, то другое надо ему сделать, фильм снять документальный о его жизни, стихи на компе отредактировать...

Поперлись к Антипову сквозь метель мартовскую. На ЦРММ. Это район за переездом. Как сам Антипов говорит о своем месте проживания: «Гетто». Что же в душе-то у него творится тогда?! Человек он довольно странный. Если не сказать – парадоксальный. Физически он крепкий, упитанный, с брюшком, почти колобок; очень подвижный, быстрый, эдакий живчик. Ужасно много говорит, впечатление, что собеседника пытается то ли усыпить, то ли загипнотизировать, туману напустить и уйти от прямых, острых вопросов. Лысину прячет остатками волос, создавая подобие нимба. Помню, так мой отчим зачесывал. Лицо круглое, лоснится, поросёночек, а губы почему-то всегда синие, почти фиолетовые, кажется, что он прижимает их к зубам с невероятной силой. Глаза – маленькие, круглые, с четкими тройными морщинками, так что можно сказать: «глаза с расходящимися тропинками». И в то же время всё его лицо и вся наружность говорят чаще всего, как ни странно, лишь об одном – о совершенно неизлечимом каком-то очень мучительном страдании. Вот открыл он нам дверь, но я не стал заходить, тем более с незнакомым для него человеком. Прямо на лестничной площадке познакомил его с Радием, объяснил ситуацию, так и так, на билет собираю, под мою ответственность, выручай, рублей триста, век не забуду.

А Лёха стоит перед нами такой смешной, сам вроде круглый, а ноги ближе к ступням в спички превращаются. И черные

тренировочные штаны 80-х годов не спасают, наоборот, усиливают комичный его вид. Руки скрестил на груди, нимб на голове растрепан и губы синеют. Клинический персонаж.

– Ром... – говорит он, разгоняясь. – Нету денег. Сам пятьсот рублей вчера с книжки снял, для дочери... Ты же знаешь, сколько учителя получают, уезжать надо из этой страны, везде одна грязь, урла, гопники, никакого просвета... – (что-то там тра-та-тата) – ... Я рад бы помочь, давай не сегодня, давай завтра, и сходим к директору универсама, я учился с ним когда-то, у него деньги есть, он бизнесмен, лучше сам сходи, скажешь, что от меня...

(К директору универсама?! К Ч-еву?! За тремястами рублями?! От Алексея?!) Дауном себя почувствовал. За кого он меня принимает?

– А ты правда из Якутии? – Стрдание на лице сменилось откровенно поддельным участием. – Я в Орехово-Зуево в институте учился, и там якуты жили, хорошие ребята. Когда выпивки совсем не оставалось, нам якуты никогда не отказывали, собирались в кружок, по-своему о чем-то пошепчутся, потом один уйдет и через пять минут вернется с коньяком «Белый аист». А? Вот это молодцы! Ром, весело нам было, клянусь, ну откуда деньги у учителя, рад бы помочь... – (что-то там та-та-та) – ... Гетто, это настоящее гетто, уеду я отсюда, конечно, в идеальном варианте, в Англию бы махнуть, или домой, в Кострому, где моя юность прошла, но и Сибирь, Рома, р-р-рррры... – (руки поднял, согнутые пальца выставил – медведя изобразил), – Сибирррр, Рома...

Понесло.

– Люблю Сибирь, Рома! Люди там настоящие, природа там настоящая, Сибирррр, р-р-ррррры-ы...- (опять медведя изобразил), – ты же знаешь, она меня отравить хотела, подмешивала, подсыпала мне что-то в еду...

Роман НАЗАРОВ. Некаýalar